

13. Боярский А. Билайн: полосатая революция (2005 год), [1991-2010], ЗАО «КОММЕРСАНТЪ. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1066298>
14. Beeline 2005. Wolff Olins, 2009. URL: <http://www.wolffolins.com/clients/beeline>
15. Билайн. Информация. URL: <http://about.beeline.ru/responsibility/telecom/clients.wbp/>
16. Жизнь животных / под редакцией профессоров Н.А.Гладкова, А.В.Михеева. В 6 т. М.: Просвещение, 1970.
17. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
18. Веселовский А. И. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.

С.З.Гончаров, С.В.Разумовская Духовный акт русской культуры

Характерным для русской философии XIX – XX веков является учение о целостности души (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев), о целостном духовном акте (И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.). Мы предлагаем понимание духовного акта русской культуры в той форме, в какой она представлена в трудах выдающегося русского мыслителя Ивана Александровича Ильина. Иван Ильин – это Пушкин в философии. «Имя русского религиозного философа и национального мыслителя Ивана Александровича Ильина – отмечает Ю. Т. Лисица, составитель собрания сочинений И. А. Ильина, – мощно ворвалось в жизнь России конца XX столетия, естественно легло в русскую верующую душу и укоренилось в сердце человека русской культуры. Гражданин, любящий свою Отчизну и свой народ, болеющий за свою Родину, не может не отозваться на пламенное слово Ильина, потому что как у настоящего ученого слово это – точное, как у сильного философа – глубокое, как у мудрого педагога – строгое, как у истинного художника – образное, как у прекрасного стилиста – изящное»[1, с. 5].

Творческая продуктивность целостного духовного акта. Целостный духовный акт есть взаимная дополнительность и согласованность главных духовных сил – мышления, понимающего *объективную истину*, нравственной воли, ориентированной на сотворение *добра*, а не зла, эстетического созерцания и продуктивного воображения, воспринимающих *красоту*, одухотворенной веры, устремленной на *предельные и совершенные ценности*, совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций *должного совершенства*, любящего сердца, способного воспринять лучшее, избрать его и жить им.

Срастаясь воедино, эти способности образуют *целостный духовный акт*, в котором «соло» каждой из них дополняется «хором» всех остальных; возникает «симфония» духа, дарующая полноту миропереживания и миропонимания, произвольное творчество и радостную самореализацию. Как

внешние органы чувств, дополняя друг друга, порождают целостный чувственный образ, так и главные духовные силы, взаимообогащая друг друга *разной духовной модальностью*, позволяют обрести *целостное* миропонимание, свободное от односторонних крайностей. Такого мировоззрения одна наука дать не может.

Разъединение духовных сил порождает «частичный» духовный акт и одномерное мировоззрение: мышление в отрыве от воображения, совести и любви создает картину механической Вселенной, фабрично-заводской или рыночный взгляд на человека; воля сама по себе утверждает одну дисциплину и организацию, полицейское государство; воображение вне совести эстетизирует пороки, вера вне мышления и любви, впадает в иллюзии, химеры и галлюцинации; инстинкт вне идеала разнуздывает подсознательные «ночные» силы души и т.д.

Понимание предметной области зависит не только от ее содержания, но и от той *интеллектуальной оптики* воззрения на предмет. Единство духовных сил – *необходимая предпосылка продуктивного творчества*: за умением специалиста оптимально решать профессиональные задачи скрываются *развитое логическое мышление, продуктивное воображение, эстетический вкус, честность и ответственность, столь важные в профессиональной надежности*.

Креативно-антропологический аспект воспитания заключается в развитии у личности умений осуществлять как целостный духовный акт, так и акты теоретического мышления, продуктивного воображения и т.д. Эти акты они затем сами творчески применяют в отношении конкретного предметного содержания.

Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, суть два крыла творческого взлета и парения духа в путешествиях за открытиями. Целостность духовного акта позволяет личности:

- понимать и переживать реальность достаточно полно, без односторонних крайностей, связывать *объективный* научный метод с *ценностным*, быстро усваивать *межпредметные* связи, использовать художественные образы, модельные аналогии из различных областей в процессе творческого усвоения и развития знания; т.е. иметь стартовые преимущества в общем деле, быть творчески продуктивной;

- достаточно адекватно понимать своеобразие людей, исходя из полноты личного субъективного опыта, что составляет важный компонент

профессиональной подготовки специалиста, особенно психолога, педагога и др.;

▪ быть субъектом глубинного, а не одномерного общения, обрести *взаимопонимание* в различных видах коммуникации.

Своеобразие духовного акта русской культуры. Почему состоялся творческий универсум русской культуры? «Универсум» означает всеохватность, *неоконечную* полноту содержания. *Творческий универсум* – это возрастающая *процессуальная* неоконечная полнота смыслов, процесс порождения смыслов и значений, который реализуется как *перманентный выход за пределы уже достигнутого*, ставшего, «отвердевшего». Гегель посвятил свое творчество понятийному выражению этого величественного процесса, в котором дух обретает все новые формы и всегда остается юным и креативным. Понятийным выражением универсальности духа явилась у Гегеля *диалектика* как логика нарастания *конкретного* богатого содержания.

Вникая в смысл «Феноменологии духа» Гегеля и в последующие его гениальные творения, нельзя не изумиться всеохватной полноте мысли и чувства их автора. Вся последующая философия в ее классических вершинах созидалась как продолжение того мощного импульса, который сообщил Гегель мыслящему разуму. К таким вершинам по праву можно отнести *классическую русскую философию* от И.В. Киреевского до А.Ф. Лосева включительно.

Дух универсальности обрел в русской философии особый *национальный* окрас, качественные приращения не только по глубине и широте исследования реальности, но и, что важно, в силу особенного *духовного акта* познания, понимания и выражения. К истокам творческого универсума русской культуры можно отнести в первую очередь ценности *православия*, его *вселенское* дыхание, и *целостность духовного акта*, каким созидалась русская философия и вся культура.

Каждый народ имеет доминанту в своем душевно-духовном укладе, что проявляется в выражениях «старая, добрая Англия», «деловая Америка», «великая Германия», «прекрасная Франция или «Святая Русь». Такой уклад («менталитет») составляет *ведущий духовный акт*, каким народ творит свою культуру и жизнь. Такой акт определяется *особым сочетанием доминирующих духовных сил*.

И. А. Ильин гениально выразил духовный акт русской культуры в статье «О русской идее» и конкретно изложил его в ряде иных работ[9]. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, что мы должны беречь и растить в себе,

воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [4, с. 323].

В российской ментальности Ильин выделяет силы первичные и вторичные: «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» [4, с. 329]. На громадном историческом и художественном материале Ильин убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [4, с. 329].

Западный менталитет имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным [4, с. 327]. Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли: «нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации» [4, с. 329].

В духовном акте русской культуры эмоционально-ценностное начало преобладает над рационально-волевым формализмом. Это И.А.Ильин убедительно раскрывает на материале православия, отечественной науки и искусства.

В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы,

«экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями.

Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета. Из этого метода следует *масштабность* русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа.

Целостность же схватывается только созерцанием! Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубина в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) вобрали своим духовным актом от православия *чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания.* К примеру, Н. О. Лосский исходил из интуиции в познании и обосновал все значение «чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции». Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Русское искусство, подчеркивал Ильин, призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе. ... У русского художества *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, ... без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом» [4, с. 329]. Русская культура цвела тогда, когда она творилась стремлением любящего сердца к совершенству, сердечным созерцанием скрытых гармоний.

Остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [2, с. 179]; то «шкурничество», ту «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей [2, с. 183]. Практический эгоцентрист и циник, не ведающий высшего смысла и дела, будет существом «социально опасным». Новые поколения должны воспитываться «к *сердечной и предметной свободе*» [2, с. 179]. Самое важное, что должно дать человеку воспитание – «это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*» [2, с. 184].

Под «Предметом» Ильин понимал Дело, объективно лучшее по содержанию, достойное духовной сущности человека. Он пишет: «Жить предметно – значит связывать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле – «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия [2, с. 182].

Понятно, что знания и технологии есть средства предметной любви, предметной воли и предметного дела. Воспитание, таким образом, *тоже творится*, в первую очередь, *силами второго уровня* психики человека (сердце – духовное созерцание – разум).

Развернув панорамную картину *духовного кризиса* человечества XX века в высшем его сосредоточии – в религии, Ильин дает гениальный совет: выход из кризиса: в обновленном сердечном понимании христианства, в «*постижении и усвоении утраченного нами религиозного опыта самого Христа*» [3, с. 172].

Надо перестроить сам культуротворящий акт нашей души. Мысль сама по себе все разложит и подкопает. Воля сама по себе тоже не принесет обновления, так как она *лишена очевидности* и склонна плодить одну дисциплину и полицейское государство. *Воображение без любви*, духовно слепое, породило декадентский модернизм, искусство мнимое, «часто ничтожное и пошлое»: это «безвкусные, праздные обрывки»; «больные выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распушенности», обломки

безобразных замыслов, неестественные выверты, противоестественные химеры; искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной бессовестности*: здесь все позволено [5, с. 65 – 68]. «И невольно возникает вопрос, – писал Ильин: искусство это или большой бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?» Бред и гниение, если иметь в виду современные СМИ России.

Нынешний культурно-творческий акт, отмечал Ильин, покоится «на чувственном восприятии» и считает его «дверью во внешний мир»; пред той дверью сидит критически настроенный страж – «мысль»; из их союза зарождается «позитивная наука и техника»; результаты этого союза подхватываются «*инстинктом и волей*»: инстинкт становится стимулом «экономики, воля – стимулом государства». Воображение находится под строгим контролем разума. Жизнь чувств вообще вытесняется из культуры общества и имеет место только в частной жизни. В мире бизнеса они ни к чему [8, с. 546].

Что касается сердца – источника духовной любви и *творческого созерцания*, то оно как-то оледенело настолько, что упоминание о нем в философии и психологии считается ныне дурным тоном. Современный кризис – «*это кризис расколотого человека*»; он не верит в Бога – сосредоточие всех высших смыслов, поэтому у него атрофировался религиозный орган – *любящее сердце*, фокусирующее в целостность все творческие силы души. «*Аналитический разум, беспочвенная и разнузданная воля и бездуховный инстинкт самосохранения* – вот все, что ему осталось. Все остальное подлежало осмеянию: вера, стыд перед собственным безжизненным сердцем, творческое созерцание...» [8, с. 438]. Расколотый духовно человек – «несчастный» и «обессиленный» человек. Воспринимая истину, он не может определить, истина это или нет. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Он во всем *релятивист*. Если он любит, то не уверен, любит ли он или не любит. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из центров оказывается не совсем удобным, слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко

всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой. Такова его свобода, и таков его гуманизм. «В нем нет самой важной, самой драгоценной основы духовного характера – всеобъемлющего, единого, *единственного центра жизни*» [8, с. 438].

Ильин советует: «человек должен обрести в себе свою цельность. Он должен собрать ... разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и восстановить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу. ... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего творческой цельностью» [8, с. 438 – 439].

Только любящему сердцу доступна глубина постижения и очевидность *преимущества объективно-лучших, совершенных содержаний*. Душа человека стремится к совершенству потому, что она боготварна и *сопричастна совершенству Творца*. В воспитании ценностного сознания синтез сердца является базисным.

Сердце – источник *«духовной любви к поистине драгоценному предмету»*. Выбор, правильный и окончательный, есть дело истинной любви. Кто никого не любит и ничему не служит, тот пуст, стерилен, духовно мертв. «Только любовь может предсказать человеку, что делать, чем жить, за что бороться, за что стоять, за что идти на смерть. ... А все прочие духовные и физические потенции имеют своей задачей верно и надежно служить любви». Тогда все дарования человека получают более высокий духовный заряд: «любовь превращает воображение в предметное созерцание – в результате просыпается религиозная вера; любовь наполняет мысль живым содержанием и придает ему силу предметной очевидности; любовь укореняет волю и делает ее носителем совести; любовь очищает и освящает инстинкт и открывает в нем духовное око; любовь углубляет и облагораживает чувственные восприятия, делая их художественно осмысленными, направленными на служение искусству».

Все это, продолжает Ильин, не преувеличение, а «простые, основополагающие истины духовной жизни, в которых сразу же узнаешь основополагающие истины христианства» [7]. Из любящего сердца исходит *сердечное созерцание, «вчувствование в совершенство»* [7, с. 551], которое Ильин отождествляет с «творческим созерцанием» и которым во все времена творились классическая культура, включая науку, подлинное правосознание и истинные отношения между людьми.

Современный религиозный кризис, подчеркивал И.А. Ильин, «состоит, по существу, в том, что человеческий дух утратил цельность, а потому и подлинность, и жизненную силу в очевидности» [3, с. 173]. Есть научная очевидность *внешнего опыта*, законов природы, внешнего мира вообще, и есть очевидность *внутреннего духовного опыта*, требующая более сложного духовного акта – единства главных сил души. Религиозное возрождение возможно не в противопоставлении этих очевидностей, а в их преобразении в «единую и цельную очевидность». С позиций цельной очевидности в научном опыте «нет и не может быть данных, свидетельствующих против религиозной очевидности». И точно так же в религиозном опыте нет и не может быть данных, свидетельствующих против научной очевидности» [3, с. 174]. Дело в том, что *предметы религиозного опыта существуют исключительно только в духовном измерении*, и этих предметов не уловят ни телескоп, ни химические реактивы. «Я глубоко уверен, – писал И.А. Ильин, – что религиозное возрождение приблизится только в борьбе за цельность духовного опыта и очевидности» [3, с. 175].

Эту принципиальную позицию мыслителя о духовном акте следует особо акцентировать. Ибо человеку с помраченным сознанием, потерявшему здоровье, ведь не помогут ни новые технологии, ни новые формы собственности. Обновление России разумно начинать с преобразования всей субъективной сферы, в первую очередь, *с нравственной*. Вот что писал Ильин по этому поводу архимандриту Константину: «Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой и складываю их у ног Господа моего. ... Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим, *верный духовный акт*. Акт веры, акт правосознания, акт художества, акт совести, акт очевидности, акт характера» [6, с. 155].

Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воли для осуществления и организации. Учение

Ильина о духовном акте, о сердечном, творческом созерцании достойно составить «золотой» фонд акмеологии, эвристики, теории творческого мышления и художественного творчества, теории педагогики и заслуживает обсуждения и развития.

Библиографический список

1. *Иван Ильин и Россия: Неопубликованные фотографии и архивные материалы* / Автор-сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999.
2. *Ильин И. А. О воспитании в грядущей России* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2.
3. *Ильин И.А. О религиозном кризисе наших дней* // Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2005.
4. *Ильин И. А. О русской идее* // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 годов: в 2 т. М., 1992. Т. 1.
5. *Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т.6., кн. 1.
6. *Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939-1954)*. М., 1999.
7. *Ильин И.А. Сердечное созерцание* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т.8.
8. *Ильин И.А. Стань цельным* // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т.8.
9. *Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1 – 2. М., 1997, кн.*

М.А. Ершова

Методология академической философии в исследовании православного понимания феномена одежды

Представители академической школы русской философии специально не занимались исследованием феномена одежды, хотя антропологическая проблематика в целом играет исключительную роль в их философствовании. Изучая на протяжении нескольких лет академическую философию вообще и ее антропологическое направление в частности, автор данной статьи решил предпринять попытку использовать методологию академической школы русской философии применительно к проблеме одежды. Было решено в качестве предмета исследования избрать православное понимание феномена одежды по следующим причинам. Во-первых, исследований по этому предмету крайне мало. Во-вторых, сегодня очень многие люди, так или иначе сталкиваются с этим предметом на практике (пресловутые «платочки» при посещении православных храмов). В-третьих, тема окружена целым облаком мифов и предрассудков. Все это послужило стимулом разобраться в проблеме по-философски, то есть, спокойно, взвешено и разумно.